

Николай ТИХОНОВ
Ленинград в декабре
«Красная звезда», 31 декабря 1942.

1.

Туманная мгла. Под ногами то хлюпает вода, то ноги скользят на обледеневшем камне мостовой. Тускло светят в тумане желтые огни автомобилей. С крыш капает, как в апреле. С реки слышен глухой бас буксира. Теплый ветер нагибает голые черные ветки, налетая с моря. Это декабрь в Ленинграде.

В прошлом году в эту пору птицы замерзали на лету, а в этом декабре по Ленинграду можно гулять без пальто, как в Тбилиси. Простая женщина в платке, утопая в лужах, сердито ворчит: «Вот вред-то какой еще свалился на нас, кто это так организовал?». Ей, привыкшей к ленинградской организованности, всё это представляется чьей-то распушенностью не ко времени. Но старые моряки, кряхтя, натянув дождевики, восходят на мостики своих пароходов и отправляются в тяжелое плаванье во льдах по Ладоге, тоже награждая озерного бога нелестными словами.

Идет семнадцатый месяц блокады. Стоят самые темные дни, самые короткие. Вечер наступает так рано, что кажется, будто звезды не уходят с неба и только на какое-то время закрываются низко висящими облаками. Это делает город еще более мрачным, еще более фантастическим. Можно вспоминать стихи Блока, рожденные такими вот туманами, когда город исчезает вдруг или появляется в диковинном освещении случайных огней. Вырастает освещенный фонариком пешехода дом с колоннами, типичный ленинградский дом, в нем могла жить Пиковая дама. Звучат подковы конного разезда. Радио передает симфонию Бетховена. Дальние прожекторы расплываются желтыми вспышками над крышами, и вдруг скрежещет танк, как заблудившийся стальной зверь, мокрый, тяжелый, новый, — он идет на фронт.

Можно ли забыть, что рядом фронт, тоже закрытый туманом, пронизанный сыростью, с размокшими траншеями, с сырыми блиндажами, с ночными схватками и огневыми налетами? Нет, этого ленинградцы не забывают никогда, они не забывают этого потому, что вся их жизнь посвящена одной цели: работе на оборону.

Идет жизнь, похожая на жестокую, красочную и правдивую до боли книгу. В ней всё самое разное существует сразу! Вы входите в цех огромного завода. Вы видите необычайную картину. В этом работающем, брызжущем искрами, полутемном цехе, только приглядевшись, вы замечаете маленькие головы, старательно наклонившиеся над станками. В глазах подростков столько сосредоточенности, в их руках, маленьких и быстрых, столько умения, в их маленьком сердце столько недетского спокойствия! Вам торжественно показывают бесконечные ряды автоматов, новеньких, блестящих, готовых к бою. Эти автоматы выбросят смертельный ливень, уничтожат новые тысячи врагов великого города.

Переверните страницу этой книги, и вы увидите, как в расплывшихся сугробах крадутся грязные, спотыкающиеся фигуры, которые будут покорно поднимать руки, когда танки преградят им дорогу и наши красноармейцы увидят смуглые лица, перепачканные грязью и копотью, увидят рваные полосатые одеяла на плечах, слезящиеся от ветра глаза и дрожащие руки, поднятые над головой. Они не понимают ни по-русски, ни по-немецки — это испанские перебежчики из остатков «голубой дивизии» — это выходцы из чудовищного лагеря, расположившегося перед Ленинградом. Шпана Европы сидит там, дуя в окоченевшие пальцы, похожая на изголодавшихся, мокрых, запаршивевших волков, залегших в поле перед человеческим жильем.

Перед ними тигр из ленинградского зоосада — благородный и прекрасный зверь. Это тигр — единственный в мире. Такого второго нет нигде. Он стал вегетарьянцем. Оп

ест постные щи и лежит часами, раздумывая о том, почему он до сих пор не ел такого непонятного и вкусного блюда,

Какие странные времена, когда тигры становятся вегетарьянцами, а перед великим городом второй год лежит лагерь полузверей-людоедов? Эти людоеды бросаются к орудиям и начинают неистовый обстрел города, как будто за несколько часов хотят стереть его с лица земли.

2.

Это печальное зрелище. Снаряды свистят, воют, дребезжат, несутся по улицам, залетая в подвал, вонзаясь в башенку над домом, ломая стены третьего этажа, ударяя в асфальт, в рельсы, в деревья. Улицы пустеют, дождь стекол сыплется отовсюду, свистят кирпичи, вырванные по кускам, летят оконные рамы, кое-где вспыхивает неяркий огонек пожара.

Декабрьский обстрел города длился однажды два с половиной часа, упорный, страшный, бессмысленный. Снаряды ударяются перед театром, где все слышат грохот разрыва, но театр живет своей жизнью, и только артисты, невольно прислушиваясь к взрывам, еще старательней

играют свою роль, и зритель следит с неослабевающим вниманием за тем, что происходит на сцене. Он пришел отдохнуть в театр, и его не может вывести из себя рвущийся рядом снаряд.

Артисты в театре на своем боевом посту, как и машинистка, не имеющая ничего общего с пушками или самолетами. Она сидит, стуча на машинке, и на какой-то запятой красное пламя закрывает перед ней комнату, и когда дым рассеивается, она сидит, держа руку на валике машинки, с оторванной снарядным осколком головой. Она погибла на боевом посту, другая машинистка садится на прибранное место и продолжает работу. Смена машинисток произошла, как смена часовых.

Архитекторы шли посмотреть разрушения, причиненные дому недавним немецким обстрелом — они нашли возможности восстановить здание. Когда они возвращались, новые снаряды уже гудели над головой. Через минуту они простились на углу. Следующий снаряд убил старого архитектора, как бы мстя ему за то, что он своей работой побеждает варварство бомбардировки. И что же — разве завтра не приступят к работе новые архитекторы?!

Враги, бессильные взять город, злобствуют, не понимая, что для каждого жителя города его дом стал боевым кораблем, где он знает свое место. И, как моряк красит в белое свое судно, чистит его, таскает в тяжелых мешках уголь для своих котлов, дежурит на палубе, несет вахту, хотя вокруг него не бушующее море, а уже второй год тихие гранитные берега и заснеженные линии домов на набережной, так и простой житель предан своему бытию, как самой строгой службе.

В городе царит лозунг, необычный в блокадное время, но своевременный и глубоко советский — любовь к своему жилищу! Даже кают-компания есть на этом огромном ленинградском корабле-доме. В подвале, где бомбоубежища, устроены красные уголки. Это помещение, где собираются все, кто свободен, кто хочет поговорить с соседом, отгладить белье, выслушать лекцию о международном положении.

И у себя наверху, в квартире ленинградец с осторожным вниманием повертывает выключатель, и — о, чудо — горит маленькая электрическая лампочка, и этот ровный мягкий свет гонит прочь кошмар прошлой зимы, голодной и темной. Лампочка в квартире ленинградца — победа, достигнутая трудом изобретательства и настойчивости. Она не простая лампочка, какая горит в любом городе любой страны. Когда-нибудь мир узнает, как изобретателен и стоек в своих поисках был ленинградский человек, какие он сделал открытия и как внес их, словно новое оружие, в свою оборону.

Лозунг "любовь к своему жилищу" подразумевает и второй: «внимание к человеку». Для этого ленинградцы создали новый тип работника — политорганизатора дома. Это человек, который для каждого дома является как бы его полпредом. Он сменит управхоза, если тот оставит жильцов без воды и света, он поможет дому в любой нужде, он посоветует, как лучше отдохнуть, он ответит на вопрос, как доставить домой дрова, как эвакуировать в больницу заболевшего жильца.

Ленинградцам, прошедшим в городе всю блокаду в трудах и борьбе, кажется, что они не изменились, что они остались такими же, как были в мирное время. Нет, они изменились, как изменяется человек, совершивший путешествие сквозь все препятствия, выдержавший множество бедствий, в которых потребовалась вся воля и вся сила духа. Когда снова соберутся все рассеянные по стране и находящиеся в армии ленинградцы, тогда этот славный гарнизон, стоявший столько времени на своем посту, почувствует, наконец, великую усталость и великое удовлетворение.

И медаль из нержавеющей стали, на которой сверкает шпиль адмиралтейства, медаль на шелковой красной муаровой ленте с серебристыми полосками по краям, с надписью — "За оборону Ленинграда" будет знаком самой большой признательности советского народа защитникам великого города. Эта скромная медаль, переходя из поколения в поколение, расскажет потомкам о том, каковы были их неистовые в любви и ненависти предки, и она без слов будет свидетельствовать о том, что делал ленинградец в дни великой отечественной войны. Потому с таким почтительным вниманием, гордостью говорят ленинградцы об этой медали.

3.

Ленинградский фронт страшен врагу даже своей неподвижностью. Второй год немец, кутаясь в потертую шинель, всматривается в туман, за которым лежит, как заколдованный, Ленинград.

Гремят кое-где батареи, минометы набрасываются на какую-нибудь линию укрепления, иногда пьяные немцы выходят цепью и нестройно идут под расстрел. Летят разноцветные ракеты, чтобы нервный фриц, боящийся неожиданной нашей вылазки, мог просматривать снежное пустое поле с минными бугорками, но в душе разбойника невесело. С тоской видит он темный бастион Пулкова и притаившиеся форты Кронштадта, и ясно ему, что этого города ему не взять никогда. Он не хочет только думать о том часе, когда он побежит по скользким дорогам, гонимый страшными ленинградскими танками, подхлестываемый огнем легендарных орудий и атакуемый неотвязными штурмовиками.

Проходят по переднему краю снайперы в белых халатах, неутомимые истребители вражьей силы. Перед ними совсем близко горят какие-то деревянные постройки в Пушкине. В холодном воздухе дым ложится слоистыми полосами. Не узнаем мы своего Пушкина, разоренного, разбитого, пустого. От Екатерининского дворца остались одни развалины. Стена лицея обвалилась, но всё еще блестят золотые маковки на дворцовой церкви, темнеют вершины деревьев в старом парке.

Война знает могучие сражения, где сталкиваются огромные массы, где конница мчится, сверкая обнаженными клинками, сопровождаемая кавалерией неба — истребителями и новыми кавалергардами полей — тяжелолатными танками, но и в мелких стычках погибают бойцы, рождаются герои. День и ночь происходят схватки, короткие, мелкие, упорные, бойцы ходят на разведку, доставать «языка».

От случайного снаряда погибают командиры, видевшие весь ад больших сражений, испытавшие самые жестокие штурмы. Так погиб неустрашимый и стойкий большевик — воин Бениамин Оганесович Галстян. Кто на Ленинградском фронте не знал Галстяна? Я помню его еще в лесах Карельского перешейка перед линией Маннергейма, в студеном лесу, во вьюгу и свирепый мороз обходящим передний край

под убийственным огнем белофинских дзотов. Я видел его в лесах Шелони, в знойные августовские дни прошлого года, видел его на передовой среди ржаво-темных кустов предневской равнины, где вдали темнели трубы Ижорского завода.

Галстян был из тех людей, к которым привязываешься сердцем. Он был добрый и отзывчивый человек, бесстрашный и решительный. Трусов он ненавидел всей душой, он говорил просто, и в словах его была народная правда, так как сам он был сын простого народа и пришел к нам издалека — из горячей, высокогорной Армении. В его словах жил темперамент южного всегда взволнованного человека.

Как он любил храбрых, стойких людей — у него всегда были записаны в книжечку новые имена и особые случаи, и этих имен и случаев у него было много. Я помню один такой разговор — стиль у него был своеобразный, очень душевный и доходчивый — он говорил:

— Запиши, пожалуйста, это такой храбрец, каких мало. Смотри, что он сделал. Он первым, понимаешь, первым, ворвался в Сольцы, па плечах немцев, первым захватил аэродром. Командира роты ранило, он говорит: я — командир, ведет их дальше, бьет немцев, гонит... Это такой человек, пожалуйста, запиши его на память. Он комсомолец, Алексеев Николай Александрович.

В другой раз, когда разговор шел о настоящей и мнимой храбрости, он сказал:

— А вот, ты понимаешь, есть у меня Губко, политрук, ничего особенного. Что он делает? — боеприпасы возит. Невидное дело, там стреляют — ты вози. Что ты скажешь, молодец он или нет? Поди, разгадай. Я тебе скажу — молодец! А почему? А потому, что если боеприпасов нет — операция может остановиться, опоздали боеприпасы — будет беда дорогой, а если везешь их под огнем — нужен крепкий характер, а если каждый день с утра до вечера под огнем возить — сколько крепких характеров нужно иметь, подумай и скажи, молодец он или нет — он никогда, ни разу с боеприпасами не опоздал. Он — молодец, настоящая работа!

Галстяна любили искренне бойцы и командиры, и его нельзя было не любить. Он погиб от прямого попадания снаряда в блиндаж. Он был воин, созданный для боя. Случайный снаряд во время боевого затишья стал роковым для него. Имя Галстяна мы занесем в неистребимые временем списки героев защитников Ленинграда, и будем вспоминать его всегда, как прекрасного патриота нашего великого города.

...Кончается год, полный битв и озаренный светом побед нашего оружия. Мы будем праздновать новый год в кругу друзей, вспоминая ушедших и отсутствующих, но мы будем помнить, что там, за чертой наших сторожевых охранений лежит родная земля, полная муки, где в темноте под ярмом живут советские люди — их надо спасти, их надо освободить. В этом задача наступающего года. В этом наш долг, паша честь, наша клятва и паша победа.